

МАТВЕЕВ А. К.

СУБСТРАТНАЯ МИКРОТОПОНИМИЯ КАК ОБЪЕКТ КОМПЛЕКСНОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Дискуссия о происхождении субстратной топонимии (СТ) Русского Севера, которая развернулась в 60-х годах и отражена в многочисленных публикациях, несомненно способствовала прогрессу в изучении этой сложной проблемы, однако в течение последних пятнадцати лет новые работы по СТ севернорусского ареала почти не появлялись. Обычно так бывает, когда проблема полностью исчерпана или окончательно запутана и когда без новых фактов и идей дальнейшее продвижение невозможно. Но применительно к данной проблеме нельзя говорить об исчерпанности и запутанности, поскольку всестороннее изучение этой во многом загадочной топонимии еще только начинается. В распоряжении исследователей СТ Русского Севера всегда было много фактов, не было недостатка и в идеях, а научная дискуссия помогала совершенствованию методов изучения топонимического материала. Тем не менее молчание последних лет показательно: необходимо было время, чтобы еще раз осмыслить проблему и пересмотреть стратегию изучения СТ Русского Севера, этого весьма значительного, крайне интересного для лингвистов и историков, но трудного для исследования массива субстратных топонимов нашей страны. Разумеется, за это время был накоплен и новый материал, собранный, в частности, топонимической экспедицией Уральского университета. Совершенствовались и приемы изучения субстратной топонимии [1, 2].

Новые возможности открывает прежде всего целенаправленное и всестороннее исследование субстратной микротопонимии. Сейчас уже ни один серьезный исследователь не сомневается в том, что язык субстрата может отражаться не только в гидронимии, но и в микротопонимии. Хорошо известно и то обстоятельство, что субстратная микротопонимия характерна для многих территорий Русского Севера. Однако субстратная микротопонимия, подобно гидронимии, до сих пор рассматривалась как совокупность названий, характерных для Русского Севера в целом или для какой-либо его крупной части, например, бассейна Пинеги [3]. Поэтому и принято говорить о севернорусских субстратных гидронимах на *-еньга*, *-юга*, *-юг* и т. п. и о севернорусских субстратных микротопонимах на *-нема*, *-мина*, *-лахта* и т. п. Отсюда эффект усреднения, стирание лингвогеографической специфики названий, искажение реального соотношения топонимических зон, смешение типов русской адаптации, а главное — нарушение регионального принципа исследования топонимии, как показывает практика, наиболее целесообразного при изучении субстратных микротопонимов, которые должны рассматриваться в рамках территориальных микросистем.

Первоочередная задача исследователей СТ Русского Севера — выявить и этимологически идентифицировать верхний слой субстратных названий, представленный прежде всего микротопонимией, чтобы затем перейти

к интерпретации субстратной гидронимии. В общих чертах этот верхний слой в северо-западной половине Русского Севера, заключенной в треугольнике между Онежской губой, Белым озером и устьем Мезени, уже выявлен и определен как прибалтийско-финско-саамский (А. М. Шёгрэн, М. Фасмер, А. И. Попов, А. К. Матвеев и др.), однако до установления реального соотношения прибалтийско-финских и саамских элементов еще далеко. Между тем от определения микротопонимических зон и уточнения локализации прибалтийско-финских и саамских микротопонимов зависит и выявление прибалтийско-финской и саамской гидронимии, что в свою очередь позволит аргументированно выделить гидронимический субсубстрат.

Другими словами, важнейшей задачей становится создание детальной лингвотнической карты Русского Севера на период, непосредственно предшествовавший обрусению заволочской чуди. Эта карта даст точку отсчета для послойной идентификации субстратных топонимов.

Таким образом, предстоит сделать следующий шаг — перейти от макрорегиональных исследований к микрорегиональным, к комплексному анализу микротопонимии отдельных небольших территорий. Это позволит осуществить сплошной сбор субстратной микротопонимии, намного повысит надежность анализа и создаст дополнительные возможности для интерпретации топонимов, поскольку последние будут рассматриваться не только как совокупность названий с тем или иным формантом, но и как отражение некогда существовавших топонимических микросистем. Сам по себе этот прием не нов, но к СТ Русского Севера он по существу не применялся. Правда, попытки М. Фасмера рассматривать топонимию по уездам [4] в какой-то мере являлись реализацией микрорегионального принципа, но весьма ограниченные топонимические материалы при почти полном отсутствии микротопонимии не могли стать базой для существенно новых результатов.

Предлагаемый принцип исследования находит историко-этнографическое обоснование в том надежно установленном факте, что для Русского Севера характерен кустовой тип поселений, этническая пестрота в прошлом и связанная с ней языковая (диалектная) мозаичность субстратной микротопонимии, плотные очаги которой возникали при обрусении местной чуди. Именно поэтому изучение отдельных микротерриторий и может дать очень интересные результаты. Ясно, что такой подход не имеет ничего общего ни с глобальным изучением СТ Русского Севера в целом, охватывающим и Костромщину и даже Волго-Окское междуречье, ни с интеррегиональными сравнениями субстратной топонимии Русского Севера и Сибири.

Для реализации намеченной программы территорию СТ Русского Севера придется разделить на микрорегионы разного порядка, в конечном счете деление может производиться до кустов деревень и даже до отдельных населенных пунктов. Выделение таких микротерриторий достаточно условно и должно корректироваться результатами последующего анализа. Естественно, что окончательная картина членения всей территории Русского Севера на микрорегионы будет очень отличаться от моделируемой.

Эта статья — первая из ряда задуманных работ, посвященных субстратной микротопонимии отдельных территорий Русского Севера, — является иллюстрацией к охарактеризованной выше методике, которая применена к названиям одного микрорегиона — бассейна нижнего течения Онеги. Статья целиком основана на материалах топонимической экспедиции Уральского университета.

Нижнеонежский микротопонимический регион СТ Русского Севера был выделен на следующих основаниях: 1) в этом регионе до сих пор функционирует многочисленная субстратная микротопонимия, тяготеющая к отдельным кустам населенных пунктов; 2) границы региона на севере, юге и востоке совпадают с административно-территориальными границами Онежского района Архангельской области; 3) регион обособлен в физико-географическом отношении (низовья Онеги и южное побережье Онежской губы). Таким образом, исследованием охвачена территория бассейна Онеги от устья до населенного пункта Ярнема близ границы с Плесецким районом Архангельской области, охватывающая Кокоринский, Устькожский, Чекуевский, Хачельский, Прилукский и Ярнемский сельсоветы Онежского района, а также кусты деревень Нименьга, Малошуйка и населенные пункты Кушерека и Ворзогоры на южном побережье Онежской губы в Нименьгском сельсовете того же района. Естественно, что южнопоморские деревни и нижнеонежские населенные пункты объединены условно. В то же время надо иметь в виду, что Нименьга, Малошуйка, Ворзогоры и Кушерека занимают особое место и среди поморских деревень¹.

Для определения и выявления верхнего пласта СТ Русского Севера важна трактовка термина «микротопонимия». О содержании этого термина давно идут споры, хотя его внутренняя форма (*микро-* «малый») четко определяет семантику: микротопонимы — названия малых объектов. Поэтому к микротопонимам следует относить не только названия урочищ — лугов, полей, участков леса, как это обычно делается, но и островов, мысов, небольших возвышенностей (микрооронимы), ручьев и небольших озер (микрогидронимы). Поскольку субстратные названия населенных пунктов на Русском Севере в своем большинстве восходят к названиям урочищ или других микрообъектов, практически их также приходится рассматривать вместе с микротопонимией. Так как граница между топонимией и микротопонимией условна, важны формальные критерии, которые иногда удается установить. Например, полукальки со словом *ручей* (*Лепручей*) следует относить к микрогидронимам, а полукальки, в состав которых входит слово *река* (*Кушерека*) — к гидронимам.

Изучение субстратной микротопонимии нижнеонежского региона позволяет выделить ряд детерминативов — географических терминов, входящих в состав топонимов, которые легко интерпретируются на прибалтийско-финской почве, причем наиболее близки карельские, включая ливвиковские и людиковские, и вепские соответствия. Таковы детерминативы *нема* (*Хижнема*), варианты *мена*, *мина*, *нима*, *нама* и др., ср. карел. *niemeti* «мыс»², *вонга* (*Сивонга* из *Сивонга*), ср. карел. *vonnga* «глубокое место, омут», *коска* (*Саркоска*), ср. карел. *koški*, ливв. *koski* «порог», *ранда* (*Кавкаранда*), ср. карел. *randa* «берег», *ма* (*Пертема*), ср. карел. *toa* «земля, местность», *матка* (*Хайматка*), ср. карел. *matka* «путь, дорога», *пелда* (*Папелда*), варианты *палда*, *полда*, *пелды*, ср. карел. *peldo* «поле», *шелга*, *шлгга* (*Пёхшлгга*), ср. карел. *šelgä* «лесная возвышенность», *вары*

¹ На карте, составленной Т. А. Бернштам, именно эти русские населенные пункты выделены как «поселения, время появления которых точно не установлено» [5, с. 40—41]. Отсутствие таких сведений косвенно указывает на обрусение местного населения. Правда, в другом месте Т. А. Бернштам пишет, что Кушерека и Ворзогоры возникли в XVII в. [5, с. 72].

² Ливвиковские, людиковские и вепские данные приводятся в тех случаях, когда факты собственно карельского наречия недостаточны для интерпретации названия. Примеры в основном извлечены из [6].

(*Пилявары*), ср. карел. *voaga* «гора, сопка», *орга* (*Кыскорга*), ср. карел. *orgo* «сырая долина, низина между возвышенностями», *янга* (*Марьянга*), ср. карел. *jäŋkä* «болото», *оя* (*Тумоя*), ср. карел. *oja* «ручей». Уже этих примеров более чем достаточно для того, чтобы считать микротопонимию региона прибалтийско-финский по крайней мере по происхождению детерминативов и попытаться интерпретировать основы топонимов на базе прибалтийско-финских языков, в частности, карельского.

Единственный часто встречающийся микротопонимический детерминатив, допускающий разные толкования — *ванга* (*Клованга*), — тоже бесспорно является прибалтийско-финским (ср. ливск. *vaŋga* «речной луг»). Принятая нами этимологическая трактовка этого детерминатива не находит подтверждения в материалах карельских наречий [7], но нельзя исключить, что соответствующее слово было в них утрачено или пока не зафиксировано.

Кроме субстратных микротопонимических названий с прибалтийско-финскими детерминативами, в нижнеонежском регионе широко распространены полукальки, возникшие в результате перевода географического термина, входящего в состав топонима, на русский язык. Среди них наиболее обычны названия, включающие в свой состав географические термины *гора* (*Лингора*), *мох* (*Кондемох*), *наволох* (*Хомनावолох*), *остров* (*Хижостров*), *поля* (*Хойкополя*), *ручей* (*Сивручей*). Сразу заметим, что количественное соотношение микротопонимов с субстратными детерминативами и соответствующими русскими географическими терминами различно. Так, для полукалек с термином *остров* в прибалтийско-финской субстратной микротопонимии вообще не нашлось соответствий, названия с термином *наволох* встречаются во много раз реже, чем микротопонимы с соответствующим прибалтийско-финским детерминативом *нема*, напротив, русское слово *ручей* господствует в полукальках и почти везде в нижнеонежском регионе вытеснило соответствующий прибалтийско-финский детерминатив *оя*.

Судьба каждого конкретного прибалтийско-финского детерминатива в русском языке складывалась по-разному на различных участках территории нижнеонежского региона. Она зависела от частотности субстратного детерминатива, его фонетической структуры, наличия или отсутствия соответствующего заимствованного апеллятива в русском языке, процессов унификации и аналогии и т. п. В будущем предстоит составить подробные карты с учетом всех таких соотношений, и тогда многое прояснится и даже будет иметь определенное методическое значение для интерпретации названий. Пока же следует считать, что при широком распространении субстратных микротопонимических детерминативов прибалтийско-финского происхождения русские географические термины в микротопонимических полукальках в большинстве случаев являются «переводами» прибалтийско-финских детерминативов.

Анализ основ субстратных микротопонимов и субстратных географических терминов в самостоятельном топонимическом употреблении позволяет значительно расширить тематическую группу географических терминов прибалтийско-финского происхождения, отраженных в нижнеонежской топонимии, ср.: *Аланга* (название луга) — карел. *alango* «низина», *Калистров* — карел., ливв. *kal'l'ivo*, люд. *kal'l'i*, вепс. *kal'l'i* «скала», *Корбручей* — карел. *korbi* «глухой лес», *Ламба* — карел. *lambi* «пруд, лесное озеро», *Латтаское* (озеро) — карел. *lakši*, ливв. *lahti*, люд. *laht* «залив», *Летемина* — карел. *lieie* «наносный песок», *Лухта* — карел. *luhta* «прибрежный луг», *Паломина* — карел. *palo* «выжженный лес, пал», *Саркоски*,

Сарпорог — карел. *soari, suari*, люд. *suař* «остров», *Тайбола* — карел. *lai-bal* «волоок», *Уйтмох* — карел. *uitto* «низкое сырое место», *Урехмина* — карел. *uureh* «промоина», *Ярнема* (из *Яренема*) — карел. *järvī* «озеро».

Не менее показательно представлены в субстратной микротопонимии нижнеонежского региона и другие тематические группы прибалтийско-финской лексики, обычные для топонимии. Ср.:

Животный мир (кроме домашних животных): *Каламина* — карел. *kala* «рыба», *Кондемох* — карел. *kondie* «медведь», *Кургоручей* — карел. *kurgi* «журавль», *Лингора* (из *Линдгора*) — карел. *lindu* «птица», *Нядручей* — карел. *ñeäddä*, вепс. *ñäd* «куница», *Ревошалга* — карел. *gero* (род. п. *revon*) «лиса», *Телькручей* — ливв. *telkki* «гоголь (вид утки)».

Растительность (кроме сельскохозяйственных культур): *Кортеванга* — карел. *korteh* «хвощ», *Кужручей*, *Кузручей* — карел. *kuuzi*, *kuuzi* «ель», *Лепручей* — карел. *leppä* «ольха», *Мареванга*, *Марьянга* — карел. *marja* «ягода», *Мяндручей* — карел. *mändü* «сосна (мяндовая)», *Няра* — карел. *näre* «молодая ель», *Сарамина* — карел. *sara* «осока», *Хабишалга* — карел. *hoaba*, люд. *huab*, вепс. *hab* «осина», *Хомनावолок* — ливв. *ho.gu*, люд., вепс. *ho.g* «сосна (кондовая)».

Широко представлены и прилагательные, обозначающие признаки микрообъектов: *Коверница* — ливв. *koveri*, вепс. *kover* «кривой, изогнутый», *Косторучей* — ливв. *kostei* «сырой», *Монепелды* — карел. *mon* «многий» (= «Многополье»), *Пикостров* — карел. *pikko* «маленький», *Рабдамина* — карел. *rauda* «железо», *Сиваручей*, *Сивручей* — карел. *sivä*, вепс. *sivä* «глубокий», *Хойкополя*, *Хойкоручей* — карел. *hoikka* «тонкий, узкий», *Шилостров* — карел. *šilie* «гладкий, ровный», *Юркомина* — карел. *jürkka* «крутой» и мн. др.

Традиционный охотничье-рыболовецкий быт финно-угорских народов в микротопонимии региона отражен слабее, чем обычно, хотя есть довольно много ярких примеров, ср.: *Венехольские* (пороги) — карел. *veneh* «лодка», *Кимручей*, *Кимшалга* — карел. *kiima* «ток (глухариный, тетеревиный)», *Коламена* — карел. *kola* «вид рыболовного запора», *Нотованга* — карел. *nuotta*, вепс. *not* «невод», *Русованга* — карел. *rusä* «мережка», *Шигломина* — карел. *šigla* «крыло невода».

Напротив, богато представленная лексика полеводства и животноводства свидетельствует, что местное прибалтийско-финское население уже прочно освоило оседлый, преимущественно земледельческо-скотоводческий образ жизни: *Варзиха* — карел. *varza* «жеребенок», *Воздрамина* — карел. *ostra* «ячмень», *Кагрево* — карел. *kagra* «овес», *Каскоручей* — карел. *kaški*, ливв. *kaski*, вепс. *kask* «подсека», *Ламбасмена* — карел. *lammas*, ливв. *lmmas*, люд. *lambas*, вепс. *lambaz* «овца, баран», *Сарги* — карел. *sarga* «полоса, надел», *Сеньга* — карел. *šäñgi* «жнивье», *Хайноручей* — карел. *heinä*, ср. южн.-эст. *hain* «сено, трава», *Хумальнема* — карел. *humala*, ливв., вепс. *humal* «хмель» и т. п.

Хорошо отражены в топонимии названия жилищ и хозяйственных построек: *Лавручей* — карел. *lava* «настил, навес», *Патованга* — карел. *pato* «плотина, запруда», *Пачепелда* — карел. *pät't'ši* «печь», *Пертема*, *Пертнема* — карел. *pertti*, люд. *per't'*, вепс. *peft'* «изба, баня», *Пордасмена* — карел. *porras*, люд. *pordaz*, вепс. *pordaz* «мостики, гать», *Пурноручей* — карел. *purni* «закром».

Многосторонне представлена в топонимии и общественная жизнь, а также религия: *Канзамина*, *Канзапелда* — карел. *kañza*, ливв. *kanzi*, вепс. *kanz* «народ, общество, семья», *Ургуручей* — карел. *urho* «богатырь; смелый человек», *Хопамина* — карел. *horri*, люд. *hõr* «ссора», *Шугне-*

ма — карел. *šigi* «род, родня», *Папелда* (из Паппелда) — карел. *parri*, люд. *paṛ*, вепс. *par* «священник, поп», *Хижнема*, *Хижостров* — карел. *hisi*, ливв. *hiisi* «злой дух, леший» (подробнее см. [8]).

В статье приведена только часть интерпретированного материала, на основе которого можно было бы составить довольно значительный словарь лексем, употребляемых в географических названиях.

В субстратной микротопонимии нижеонежского региона находим и типичные прибалтийско-финские словообразовательные форманты, которые или входят в состав используемых в топонимии лексем или служат для топонимообразования. Таков широко распространенный в топонимии прибалтийско-финских народов суф. места *la* (*Ковкула*, *Пицла*, *Хачела*, *Хаяла*, *Чаколы* и т. п.), а также локативно-собирательный суф. *(i)kko*: *Вумика* — карел. *viita* «молодая роща», *viitikko*, *Юрика* — ливв. *juureikko* «место со множеством корней» [9, с. 129].

Если о прибалтийско-финском происхождении нижеонежской микротопонимии можно говорить с полной уверенностью, то вопрос о конкретном языке-источнике отличается большой сложностью. Скорее всего источники были разные. На это недвусмысленно указывают такие параллельные формы, как *Хижнема* и *Хиднема* со значением «Чертов мыс», из которых первая явно тяготеет к карело-ливвиковским данным (см. выше), а происхождение второй неясно (ср. фин. *hiisi*, род. п. *hiiden*, эст. *hiid* и саам. *hiidä*). И без того сложная картина еще более затемняется далеко зашедшей русской адаптацией. Если из названия ручья *Виртанец* нетрудно извлечь исходную карельскую форму *virtaŋi* «быстрый, стремительный», то для микротопонима *Кагрево* прибалтийско-финский оригинал точно установить невозможно: им может быть карел. *kagra*, ливв. *kagru*, люд. и вепс. *kagr*.

Особенно активно взаимодействуют звуки на стыке лексических компонентов, входящих в состав топонима. Выпадение конечного гласного атрибутивной части может произойти еще в прибалтийско-финском языке-источнике, ср. ливв. *leppi + oja > leppi* [9, с. 113]. Именно поэтому при субстратном детерминативе *нема* «мыс» в топониме *Немручей* находим основу *нем* (**neti + oja > netoja* или *netoi* с последующим калькированием детерминатива *oja, oj*). Однако в субстратной микротопонимии обычны параллельные фирмы *Каскручей* и *Каскоручей*, *Сивручей* и *Сиваручей* и т. п., происхождение которых в каждом конкретном случае объяснить трудно, тем более что соответствия типа *Канзапелда* при *Канозеро* (из *Канзаозеро*) встречаются нечасто. Наконец, как в языке-источнике, так и в русском языке могут упрощаться группы согласных: *Матнема* из *Маткнема*, *Хайматка* из *Хайнматка*, *Ярнема* из *Ярвнема*, *Лингора* из *Линдгора*, *Пехнаволок* из *Пехкнаволок*. Некоторые топонимы можно рассматривать как свидетельство существования лексем без конечного гласного, ср. *Пертнема* и *Хумальнема* (см. выше), хотя и в таких случаях нельзя совершенно исключить возможность исчезновения гласного на русской почве. Это означает, что форма *Па(n)пелда* может восходить к *Parripeldo*, *Rappeld* и т. п.

Противоречивы и данные изучения звукового состава основ, чему в незначительной степени способствует неполнота данных о лексическом составе диалектов карельского языка, разновременность усвоения топонимов русским языком и возможность отражения ими более древнего состояния, а также русская фонетическая и морфологическая адаптация. Приведем несколько примеров.

Едополь, ср. фин. *etupoli*, карел. *ed'i-puoli* «передняя сторона». Компо-

непт *поль* точно соответствует вепс. *pol'* «сторона», однако нельзя исключить и переработку слова на русской почве (ср. *Каргополь* и *Чистополь*).

Кошопелда, ср. карел. *košše randa* «тихий (заветренный) берег», следовательно, *Кошопелда* — «Тихое (заветренное) поле»³, но для *Кавкаранда* соответствие находим уже только в финском языке (фин. *kaiko* при ливв. *kaigoī* «далекий»), таким образом, *Кавкаранда* — «Далекий берег», причем источником этого топонима должны быть севернокарельские говоры.

Шильтя Вергойская. Название легко объясняется как «Мост на верхнем ручье» (карел. *šilta* «мост», *oja* «ручей»). Оно обозначает урочище (поле) и отражает далеко зашедшее взаимодействие с русским языком. Вместе с тем на территории микрорегиона находим и название речки *Воя*, ср. ливск. *voja* «пруд, лужа», саам. *voj*, *viol*. «ручей», (впрочем, протеза могла возникнуть и в русском языке: *острый* > *вострый*). Однако названия соседних ручьев *Ширвоя* и *Пенвоя* объясняются из карельского языка как «Большой ручей» (карел. *šuurī* «большой») и «Малый ручей» (карел. *pieni* «малый»).

Из более или менее регулярных фонетических явлений обращают на себя внимание следующие две особенности.

Во-первых, в названиях бассейна Онеги часто встречается интервокальная группа согласных *мб*, ср. *Вамбас*, *Ламбаснема*, *Ламбур*, *Нямбала*, *Самбала*. Эту черту можно считать либо вепско-людиковской (ср. еще *Пордасмена*), либо архаизмом, зафиксированным в субстратной карельской топонимии.

Во-вторых, в этой же зоне неоднократно отмечена архаическая основа *хайн* «сено, трава» (*Хайматка* < *Хайнматка*, *Хайноручей*, ср. в гидронимии *Хайнога*, *Хайнозеро*, *Хайнора*), отраженная в южн.-эст. *hain* (из общеприбалт.-фин. **žaina*). Здесь же прибалт.-фин. *й* может передаваться русским *ы* (*Сырнема*, *Сырья*), что характерно для ранних этапов усвоения субстратной топонимии русскими [10].

Так как для топонимии населенных пунктов побережья Онежской губы эти черты нетипичны, можно высказать предположение, что она формировалась в рамках другого диалектного источника или была освоена русскими в более позднее время. Во всяком случае здесь находим микротопонимы. *Сюръя* (ср. выше *Сырья*, а также карел. *sürjä*, вепс. *sürǵ* «сторона»), *Хейनावолок* (из *Хейнनावолок*, ср. карел. *heinä* «сено») и явно связанное с карело-ливвиковскими данными *Хижнема* (см. выше). Предположительно поморские деревни были заселены северными карелами.

Попытки выявить специфику субстратной микротопонимии еще более узких микротерриторий — кустов населенных пунктов — не принесли ощутимых результатов. Это связано прежде всего с несовершенством методики полевого сбора субстратных микротопонимов, не рассчитанной на системное изучение микротопонимии отдельных кустов населенных пунктов. Кроме того, дополнительные трудности создавались близостью кустов друг к другу и, следовательно, пересечением топонимических микросистем. В настоящее время разработана более совершенная методика сбора микротопонимов, которая позволит успешнее дифференцировать отдельные топонимические микросистемы.

Особенности распределения микротопонимов по отдельным кустам деревень, которые удалось установить, относятся не к происхождению мик-

³ В этом и некоторых других случаях могут быть предложены иные этимологии. Даже при обращении к хронологически наиболее позднему слою топонимического субстрата не всегда возможны однозначные решения и остается место для этимологических альтернатив.

ротопонимии, а к ее усвоению и функционированию. Так, выяснилось, что для поморских деревень, особенно Кущереки и Малошуйки, характерно преобладание микрогидронимических полукалек со словом *ручей*, напротив Пименьга, смежная с низовьями Онеги, в этом отношении приближается к собственно онежским деревням с их богатой субстратной микротопонимией в названиях урочищ и множеством детерминативных форм. Оказалось, что особенно много субстратных названий урочищ зафиксировано близ населенных пунктов Вонгуда и Поле, которые в старину, видимо, были местожительством чуди, впоследствии обрусевшей.

В основах субстратных микротопонимов часто встречаются русские лексемы, которые следует делить на две группы.

Первую группу составляют заимствования, давно усвоенные прибалтийскими финнами и известные во многих прибалтийско-финских языках. Таковы *пап* в *Па(н)пелда* (карел. *rappi* «священник, поп»), *паче* в *Пачепелда* (карел. *pät't'š'i* «печь»), *пышталь* в *Пыштальнема* (карел. *piššal'i*, люд. *piššal* «пищаль»), *ряжк* в *Ряжково* (карел. *reähka* «грех»).

Вторую группу образуют слова, проникшие из русского языка в местные прибалтийско-финские диалекты скорее всего в период двуязычия: *заяц* > *заяч* (*Заячнема*, если только не из *За* + *Ячнема*), *коза* (*Козамина*), *чисть* > *чищ* (*Чищнема*), может быть, *Кустручей*, *Мысनावолок*, *Овесьгора*, *Хомутручей*, *Чайручей*. Конечно, часть этих названий может оказаться результатом действия «народной этимологии» на русской почве.

Встречаются в микротопонимии и русские по происхождению антропонимы: *Ваняручей*, *Лукамена*, *Климасорга*, *Якомина* (если не от *дьак*). Среди них тоже могут быть названия, изменившиеся по «народной этимологии».

Субстратные топонимы усваивались русскими в разное время. На это указывают фиксации *Лажтасское* наряду с *Лохта*, *Сарги* наряду с *Сорга* (карел. *sarga* «полоса, надел») [11]. Некоторые сведения о времени усвоения можно извлечь из следующих фактов. Во-первых, в ряде микротопонимов отражен известный в истории русского языка переход *e* > *o*, имевший силу закона до XV в. (*Вёхручей*, ср. карел. *vehka* «вахта трилистная». *Пёхручей*, ср. карел. *rehko* «сухое или гнилое дерево, пенё»). Во-вторых, русское слово *пищаль* зафиксировано в конце XV в. [12]. В-третьих, если только основа *пирза* в названии *Пирзопелда* не является антропонимом (ср. фин. *pirsta*, вепс. *pīrz* «плакса», следовательно, *Пирзопелда* — «Плакатино поле?»), то в компоненте *пирза* надо видеть карел. *pirža*, ливв. *pīrsu* «лесопилка; поленица» (< русск. *биржа*, которое появилось в русском языке только на рубеже XVII—XVIII вв.). Все эти данные указывают на неодновременность усвоения субстратной микротопонимии русскими, причем в некоторых местах обрусение могло произойти уже после XVII в.

Наблюдения над субстратной микротопонимией нижеонежского региона и вывод о том, что она является карельской в широком смысле этого слова хорошо согласуются с показаниями этнотопонимии, а именно с названиями деревни *Карельская*, леса *Карелка*, ручья *Карелов*, поля *Кареловщина*. В то же время в названиях деревень *Пянтини* и *Чекуево*, ручья *Кукуево* (ср. еще название луга *Подуево*) явно отражены карельские личные имена и фамилии. В писцовых книгах XV—XVI вв., относящихся к территории Обонежья, упоминаются *Ульянко Кукуев* и деревня *Кукуевская* (ср. карел. *kikko*, ливв., люд. вепс. *kikoī* «петух»), *Васко* и *Прока Пянтини*, *Ивашко Чевкуй*, а также фамилии *Чикоев*, *Чикучев* [13].

Таким образом, есть основания думать, что заселение нижеонежской микротерритории происходило из разных мест — из северной Карелии,

скорее всего, морем, и Обонежья, что и создает столь пестрый топонимический ландшафт. При этом севернокарельский компонент распространился на южное Поморье и низовье Онеги, тогда как переселенцы из Обонежья осваивали только Онегу и ее притоки. Остается открытым вопрос о существовании особого нижнеонежского диалекта карельского языка. Для его решения пока мало данных.

Определив прибалтийско-финское происхождение верхнего (микротопонимического) пласта нижнеонежской топонимии, можно допустить, что прибалтийско-финской является и часть собственно гидронимии. Действительно, в некоторых названиях озер обнаруживаются прибалтийско-финские по происхождению топоформанты *ари*, *ора*, возникшие из топонимической формы детерминатива *järvi* «озеро» (Хангари, Хайнора и т. п.). Прибалтийско-финскими являются и некоторые гидронимы с «речными» суффиксами *-ега*, *-ога*, *-уга*, *-юга*, восходящими к детерминативу *jogi* «река» (*Хайнога*, *Хильдюга*, ср. ливв. *hil'ŕ'u*, вепс. *hil'd'* «тихий»). Поэтому есть основания думать, что часть полукалек с русскими географическими терминами *озеро* и *река* также восходит к прибалтийско-финским источникам. Прежде всего это относится к названиям озер (наименования типа *Кушерека* в нижнеонежском регионе встречаются редко), ср. *Куйкозеро* — карел. *kuikka* «тагара», *Орехозеро* — карел. *oŕeh* «жеребец» и т. п. Возможно, однако, что среди речных и озерных гидронимов есть и саамские.

Вычленение и изучение топонимических микрорегионов на всей территории Русского Севера позволит с течением времени создать его подробную лингвоэтническую карту на период, предшествовавший русскому усвоению, ускорить появление обобщающих работ по топонимической этимологии и лексикографии, приблизить решение проблемы происхождения глубинных слоев гидронимии. В дальнейшем было бы заманчиво определить лингвоэтническую принадлежность микротопонимии отдельных кустов населенных пунктов, но это возможно только при наличии значительных материалов по каждому кусту и проведении целенаправленных повторных выездов на места. При этом большую помощь могла бы оказать фиксация местных антропонимов, а также субстратных включений в лексику, хотя топонимия все равно останется наиболее значительным системообразующим источником для изучения вымерших языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Матвеев А. К. Взаимодействие языков и методы топонимических исследований // ВЯ. 1972. № 3.
2. Матвеев А. К. Этимологизация субстратных топонимов и моделирование компонентов топонимических систем // ВЯ. 1976. № 3.
3. Симица Г. Н. Дославянская топонимия Пинежья // Географические названия. Вопросы географии. № 58. М., 1962.
4. Vasmer M. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. II. Die ehemalige Ausbreitung der Westfinnen in den heutigen slavischen Ländern // SPAV. Phil.-hist. Klasse. 1934. XVIII.
5. Бернштам Т. А. Поморы. Л., 1978.
6. Suomen kielen etymologinen sanakirja. I—VI. Helsinki, 1955—1978.
7. Матвеев А. К. Топонимические этимологии. I // СФУ. 1969. V. № 4. С. 300.
8. Матвеев А. К. Топонимические этимологии. VIII // СФУ. 1976. XII. № 3.
9. Мамонтова Н. Н. Структурно-семантические типы ливвиковского ареала Карельской АССР. Петрозаводск, 1982.
10. Матвеев А. К. Некоторые вопросы адаптации ударных гласных в финно-угорских субстратных топонимах Русского Севера // СФУ. 1972. VIII. № 1. С. 5—6.
11. Матвеев А. К. Об отражении одного финско-русского фонетического соответствия в субстратной топонимике Русского Севера // СФУ. 1968. IV. № 2.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. III. М., 1971. С. 271.
13. Попов А. И. Материалы по топонимике Карелии // Советское финно-угроведение. V. Петрозаводск. 1949. С. 57—59.